

Хайдар Бедретдинов

СВЕТ КАШИРЫ

*Мест красивых много в мире,
Но один милее край —
Называется Каширой
Этот яблоневый рай.*

ХАЙДАР БЕДРЕТДИНОВ

Свет Каширы

Стихотворения

2010

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
Б54

Бедретдинов Х. С.

Б54 Песни о Кашире. Стихотворения. – М.:
????????????????????????????????, 2010. – 128 с.

ISBN

В книге Хайдара Бедретдинова «Песни о Кашире» слышны
голоса ?????????????? ?????????????? // ????????????

Книга издана в авторской редакции.

ISBN

© Бедретдинов Х. С., 2010
© ??????????????????, 2010

Певец земли по имени Кашира

Счастлив человек, которому удалось обрести душевный рай на Земле. Вдвойне счастлив, если имеет возможность рассказать другим об уголке для себя обетованном, при желании, конечно. У Хайдара Бедретдинова, певца земли по имени Кашира, такое желание есть, о чем и свидетельствует данный сборник. Многие читатели стихов Хайдара уверены, что он родился в Кашире, потому что с такой любовью можно писать только о Родине.

Хайдар не каширянин, но Каширу знает хорошо, поскольку без малого сорок лет общается с городом и горожанами. Москвич, которому довелось много странствовать по миру, с удовольствием возвращается к Окским берегам. Ведь:

*Хорошо отдохнуть под ветлою,
Знаменитой разливов отметками,
И напиться святою водою
Родника, что открыт еще предками.*

И каширяне знают Хайдара по его регулярным публикациям в «Каширских известиях» вот уже более тридцати лет. В краеведческом музее экскурсии порой проходят под его стихи. Книжки, которые он дарил библиотеке, пользуются спросом у школьников при подготовке к занятиям по краеведению.

Поэт принимает Каширу сердцем. Она для него — «милый край», «добрый край», «любовь, не угасшая с детства». Ему мила её патриархальность, седоглавость, память прожитых лет:

*Пахнет город медовой липою
И вдыхает душистую мяту.
Вечерами заслуженным нимбом
Отражаются в речке закаты.*

Вместе с тем, он верит, что, молодая духом, она сумеет и новый день отметить новыми свершениями:

*Моста узорчатая арфа
Звучит под первыми лучами.
Звон колоколен благодарный
День приходящий величает.*

Храмам Каширы посвящен целый раздел сборника. И речь идет не только о красоте этих «рыцарей духа», но в первую очередь о духовности народа, о той святой вере, которая помогала ему жить. Поэта не может не волновать вопрос:

*Был поруган,
Был порушен —
Восстановлен храм уже.
Сломленный грехов недугом —
Цел ли он еще в душе?*

Есть у Хайдара Бедретдинова и свой собственный, особый храм — храм Осени. Этой теме неслучайно посвящен целый цикл его стихов: ведь осень — время подведения итогов.

*К природе с карой городских седин
Я возвращаюсь, словно блудный сын.
Молясь стихом, вхожу в осенний храм...*

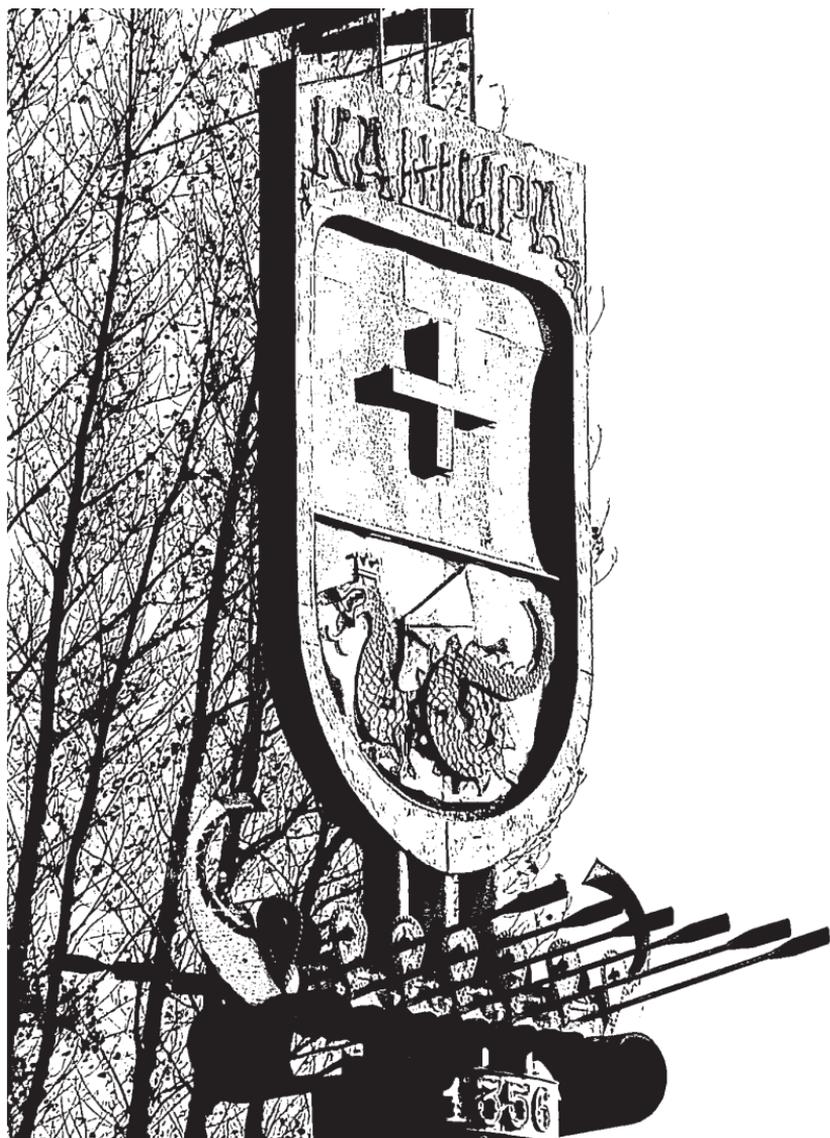
Читая сборник, нельзя не заметить: в стихах, посвященных Кашире, — много света. Это «свет всех времён» — от света рыбацких костров до огней Каширской ГРЭС — и свет людских сердец, который щедро согревает автора, дарит ему надежду и вдохновение. Поэт воспеваает самых разных людей Каширы: своих добрых соседей, учителей, врачей, мастеровых, художников и воинов, наводящих «мосты между странами и между сердцами...».

Здесь, на каширской земле, Хайдар поёт колыбельные песни сыну и внучке, признаётся в любви жене. Кажется, он корнями врос в эту землю, родники которой дают ему творческие силы. Как в таком случае не верить в будущее города, не предрекать ему светлого грядущего? И поэт делает это от всего сердца:

*Без надежды на завтра и радости нет,
Бог не даст нам креста не по силам.
Над Каширою свет сотни, тысячи лет
Пусть горит для людей негасимо!*

Алевтина Гришина, журналист.

СЛАВНЫЙ ГОРОД

ПЕСНЯ О КАШИРЕ

Небогатою палитрой
Разукрашен бугорок —
Это древняя Кашира,
Среднерусский городок.

Круто на берег взобрался
Над петляющей Окой,
На холсте лесов вписался
Белокаменной строкой.

Весь он старенький и ветхий
В тайной прелести своей,
Он застрял в минувшем веке
Изобилием церквей.

В них давно уж не молились
И не ставили свечей.
Купола заполонила
Суета мирских грачей.

А вдали, у черной пашни,
Где Ока качнулась вширь,
Прямо в небо метит башни
Позабытый монастырь.

В темных трещинах ромашка
Неожиданно растёт,
Словно личико монашки
Белизною вдруг блеснёт.

Очень грустные гудочки
Пароходов над рекой,
Город белый, как дедочек
С непокрытой головой.

Он стоит, как бы прощаясь,
Чуя древности конец,
Так богатство провожает
Промотавшийся купец.

Почему-то нас волнует
Золотая старина,
Очень много повествует
Кружка старого вина.

До свидания, Кашира,
Колоритный бугорок,
Доживай спокойно в мире
Незагаданный свой срок.

КАШИРА-ГОРОДОК

Город сладкою липою пахнет,
Побеленный да вымытый грозами,
Над округой стоит патриархом
Со времён царя-батюшки Грозного.

Подпоясан широкой Окою,
С колоколен глядит в даль просторную:
«Где ты, времечко — эх! — золотое!
Где ты, молодость края задорная!».

Не спеша, по проулкам петляя,
Словно к детству, спускается бережно
Мимо яблонь цветущего рая
К дорогому забытому берегу.

Перепутье судьбы молодецкой:
Вот, Ямская, что ямами клацкает,
Прямота над обрывом Стрелецкой,
И протяжна, как сети, Рыбацкая.

Хорошо отдохнуть под ветлою,
Знаменитой разливов отметками,
И напиться святою водою
Родника, что открыт ещё предками.

Принесли сюда новое время
Новгородской посланники вольницы,
В землю бросили первое семя
Братья Зайцевы, други Никольские.

Пролетели века, прошумели.
Воевали, ковали да сеяли.
Всех времён соловьиные трели
Песнь о берегу этом взлелеяли.

Эх, гуляет народ наш на славу —
Будь то свадьба, поминки иль проводы!
Духом молод, хоть сам седоглавый.
А для праздника мало ли поводов?

Пахнет город медовой липой
И вдыхает душистую мяту.
Вечерами заслуженным нимбом
Отражаются в речке закаты.

КАШИРСКИЕ УЛИЦЫ

Где Ока свободно ширится
Под белую горой,
Назвали град Каширою
Далекою порой.

Купецкими лабазами
Смотрели на суда
Стрелецкая, Рыбацкая,
Ямская слобода.

Отмечен город ранами,
Встречал мечом орду,
И звон “Николы Ратного”
Сулил врагам беду.

Пропела революция
Иные времена,
И получили улицы
Другие имена.

Так, родилась Коммуны,
Свободы, Ильича...
И городок как будто
Раздался чуть в плечах.

Как били немца злого,
Мы помним до сих пор;
Здесь конница Белова
Дала врагу отпор.

Сбегают Спуск Колодезный
С былинного холма.
Живет в названьях образных
История сама.

А если черной вестью
Нагрянет вдруг беда,
То встанут в строй все вместе:
Коммуны и Советская,
Пушкарская, Стрелецкая,
Ямская слобода.

СТАРЫЙ ДВОР

Здравствуй, сладостное детство,
В пыльном переулке.
Здравствуй, ветхая церквушка,
Здравствуй, старый двор!
Я сегодня невзначай,
Выйдя на прогулку,
В свое детство заглянул,
Как через забор.

Покосился дом старинный,
Обветшала крыша,
Школа моя первая
В землю чуть выросла.
Дворик мой у берега -
Островок мальчиший -
От тебя когда-то Юность отплыла.

А в распахнутом окне
Музыка рождается.
Не старинный патефон -
Радио поет.
В маленькой песочнице
Детство продолжается.
Сладостное детство,
Да только... не мое.

ОКА-РЕКА

Заболотилась и обмелела
Родниковая в прошлом Ока —
Это варвары руки нагрели,
Отсосав сразу тонны песка.

Где веками тугая стремнина
Аж звенела на струнах опор,
Камыши разрослись и кувшинки
И лягушек отчаянный хор.

Не приходят стада к водопою —
Их уж нет — многочисленных стад.
Все поля зарастают травой,
И разбитые фермы стоят.

Не плывут по реке пароходы
С песней звонкой, в весёлых огнях.
Затянулся форватер подводный.
Рыб полно — в браконьерских сетях.

Как чужую страну разоряют —
На мели скоро будем опять.
Тут не только река замирает —
Вся-то жизнь потекла наша вспять.

КАШИРСКИЕ РОДНИКИ

Милый край!
Добрый край!
Ты — любовь, не угасшая с детства.
В трудный час
Выручал
И спасал от напастей и бедствий.

Роднички, родники,
Как родня моя свойская, близкая.
Спуском звонким бегут до реки
Родники заводные каширские.

Из глубин,
Из седин
Из земных и столетий безвестных
Людям дан
Этот дар,
Словно предков святое наследство:

Роднички, родники,
«Портомойки», «ключи монастырские»
О былом спорят, как старики,
Родники всеблагие каширские.

Не беда,
Что года
Нас все дальше уведят от детства.
Жизнь крепка,
Ведь пока
Бьет родник, словно Родины сердце.

Роднички, родники
После нас будут так же неистово
Гомонить и про наши деньки
Родники — летописцы каширские.

КАШИРСКИЕ ДОРОГИ

Эх, каширские дороги!
Человек споткнется, стих.
Черт бывалый сломит ногу,
Коли ступит вдруг на них.

Камень, душу, труд вложили,
Как мостили древний тракт,
Люд ямской, стрелец служивый,
Удалой пушкарь, рыбак.

Помнит улиц бег наклонный,
Не один служба нам век,
Цокот конницы Белова,
Скрип купеческих телег.

Божьи люди славу пели
Тракту, выйдя на Оку.
Потеряла ожерелье
Здесь царица на скаку.

Что, дороги, с Вами стало?
Панцирь прочный ваш исчез -
Не браня себя ни мало,
Ям для труб нарыл прогресс.

КАШИРА-2

По всему Советскому проспекту,
По руинам первых пятилеток —
Поколенья старшего следы.
Как же полнокровно они жили,
Как свой город всей душой любили
Вплоть до перестроечной беды!

Стены у домов — сплошные раны.
Не журчат разбитые фонтаны.
Цветниками не горят дворы.
Нет скульптур наивных и весёлых,
И не слышно шумных новосёлов,
Песенные не звучат пиры.

Жить потомкам долго приказало
Здание старинного вокзала,
Будто здесь глумился лиходей.
Памятником бывшему прогрессу
Подпирают небо трубы ГРЭСа.
И доска Почёта без людей.

Мать родная, видимо, кому-то
Эта перестроечная смута,
Без коммунистических прикрас.
Прошное, крича «Ату!», свалили.
Что мы в результате получили?
Что оставим детям после нас?

ОКА

Где речушка лугом
Путь петляет свой,
Строилась Калуга
Зоркой крепостцой.
Ниже речка ширью
Разлилась рекой —
Поднялась Кашира
Круто над Окой.
Встреча на изломе
С реченькой Москвой —
На посту Коломна:
Колоколен строй.
Словно васнецовских
Три богатыря,
От разбойной злости
Берегли не зря
В глубь Руси дороги
Долгие века.
Им была подмогой
Верная Ока.
Поймы, поле брани
Прятала собой,
Врачевала раны
Чистою водой.
В берегах, как в платьях
Незапятнанных,
Обегала братьев
Названных своих.
Быстро время мчится —
В дегте тот наряд,
Но за честь сестрицы
Братья не стоят...

С ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА

Н. Баринову

Кашира с птичьего полёта
Горой встаёт под дельтопланом.
Церквей оживших позолота
Всплывает к небу из тумана.

Огнём ума, таланта, воли
Творил ландшафтный архитектор.
На старте будто — колокольня
Многоступенчатой ракетой.

Бугор оврагами изрезан,
В них плачут вековые ивы
О доброй старине, о предках
И мужественных, и красивых.

Из ключев млечного тумана
Двор вырастает монастырский.
А в переулке Безымянном
Левша старается Каширский.

Взлетает вверх стрела Стрелецкой,
Ручей сбегает к речке быстрый,
И петли улочек прелестных
Напоминают облик Крымский.

Оки широкие объятья
Поддерживают город славный.
Закатов отраженья ярких
Плывут, текут холодной лавой.

Моста узорчатая арфа
Звучит под первыми лучами.
Звон колоколен благодарный
День приходящий величает.

Росой напившись, родниками,
Ползёт на кручу лес Козловки,
Где мятой пахнет и грибами,
И ягода горит по бровке.

Дома в садах, как в пышных платьях,
В подвесках из рябины спелой,
В браслетах вишен на запястьях
И в яблоневых ожерельях.

Каширой с птичьего полёта
Залюбовался Ангел светлый.
«Как, люди, вы внизу живёте?» -
Он спросил. Но нет ответа.

КАШИРСКИЙ БАЗАР

Какое ни есть для людей развлечение —
Опять воскресающий по воскресеньям,
Пронизанный токами праздничных чар,
Со скрытой своей притягательной силой,
Такой, как немало, наверно, в России,
Шумит и бушует Каширский базар.

Идут, подъезжают одеты нарядно —
На людях однако — оно и понятно.
Улыбки на лицах, сияют глаза.
Идут не за тем, чтобы поторговаться —
С товарищами невзначай повстречаться,
С которыми их разлучали года.

На солнце огнём изумрудным искрится
Корзина с горой огурцов луховицких.
Картошка зарайская, ступинский мёд.
Кавказец лукавый блажит, как со сцены.
Товарец по качеству разный, но цены...
Не столько берёт, как глазеет народ.

Рассада и саженцы, кустик с малиной,
Шашлык на углях и лечебная глина,
Живое в бутылках ещё молоко,
Липучки от мух, удобренье коровье,
Для страждущих есть из гранита надгробье, -
Во всём разобраться не так-то легко.

А с краешку быта былого осколком -
Такая непраздничная барахолка:
Калоши, в медалях слепых самовар,
Со сколами слоники и статуэтки, -
Отжившие символы прошлого века.
Здесь вряд ли родится какой-то навар.

Красиво работают — просто потрясно
В движеньях отточенных — рубщики мяса.
Работа у них по-мужицки трудна.
Лежит на прилавках товар всевозможный,
Который из месяца в месяц — дороже:
Забой недвижим, но подвижна цена.

А вот, небольшая, но всё-таки давка,
Горячий где хлеб продают с автолавки.
Он пахнет так вкусно и радует взгляд.
Поодаль — живой уголок необычный,
Где всякая живность, котята и птички,
И выводок солнечных жёлтых цыплят.

Сидят за оградой сиротки-старушки
С нехитрою репкой, редиской, петрушкой.
С доходом скудным их не пустят в ряды.
В платочках поблекших глядят виновато
С кулёчками ягод в руках узловатых.
Какой тут навар?— не пропали б труды.

Пробили куранты обед с колокольни.
Кто праздно гулял, торговал кто довольно,
Уставши слегка, разбрелись по домам.
Как будто и не было ярмарки шумной —
Базар опустел. И лишь дворник угрюмый
Метёт меж рядов разлетевшийся хлам.

ЯБЛОНЕВЫЙ РАЙ

Мест красивых много в мире,
Но один милее край -
Называется Каширой
Этот яблоневый рай.

Колокольнями обильный
С черной братьей на крестах,
В гроздьях яблок молодильных
И в рябиновых кистях.

Песней горлицы докучной
Городок встречает рань.
И в окне, как солнца лучик,
Непременная герань.

В день ворвется ветер пришлый
Так, что листья бросит в дрожь,
И ударит вдруг по крышам
Гулкий яблоневый дождь.

В городских названьях старых
Колорит особый свой:
“Платомойня” и “Пушкарка”,
Переулочек “Глухой”.

“Спуск Колодезный” грохочет,
Обрываясь над рекой,
И бессчетные лопочут
Родники с живой водой.

На закате солнце ало
Заиграло над Окой -
Будто яблочко упало
В воду с ветки золотой.

Льют куранты звон над дымом,
Речку бакены хранят.
И бесменно часовыми
Колоколенки стоят.

Загадать мечту успел я
В миг пленительный, когда,
Словно яблочко, слетела
С неба спелая звезда.

Разве, странствуя по миру,
Сердцу скажешь: “Выбирай!”
Ведь оно уже в Кашире
Обрело душевный рай.

СЛАВНЫЕ ХРАМЫ

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ

Что за праздник?
Что за праздник?
Звон колоколов!
Будто зазвучали сразу
Тыща голосов.

Медь большого прогремела,
Малых серебро.
И душа сам запела.
Светится нутро.

Что же хочет, интересно,
Тысячами лет
Передать нам глас небесный:
Зов, укор, привет?

Головы поднялись кверху.
Воспарился дух.
С любопытством или верой
В храм святой идут?

Разливается по венам
Жизненный покой:
Хорошо хоть на мгновенье
Стать самим собой.

Голосит на нотах разных
Колокольный вал.
Что за праздник?
Что за праздник?
Божий день настал!

РЫЦАРИ ДУХА

Время спутало что-то,
Словно в пропасть спешит,
Не зовет Дон-Кихота
Для спасенья души.

Ни шутов оголтелых,
Ни юродивых нет
Между черным и белым
Высечь истины свет.

Запечатаны воском
Не у Правды ль уста?
Сатанинское войско
Свой диктует Устав.

В души тяжким недугом
Поселяется злоба.
Храмы — рыцари духа
Начищают шеломы.

ХРАМ ДОБРОТЫ

Не превращайте храм в каменоломню -
Доступность лишь обманывает нас.
Поступок остается вероломным,
Пусть и свершен без посторонних глаз.

Ломая кладку, мы ломаем Память,
Раствор души тех предков дорогих
И часть души, в наследство взятой нами
От мучеников — грешных и святых.

Храм истин добрых, нравственных устоев
Оставим ли потомкам хоть один?
А новое, на разрушеньях строясь,
Грозит холодным будущим руин!

ХРАМ

Загорелся на заре
Храм крестами на горе,
Будто вдруг восстал из пепла
В золоте и серебре.

Был порушен,
Был поруган -
Восстановлен храм уже,
Сломленный грехов недугом -
Цел ли он еще в душе?

ПЕСНОПЕНИЯ «СИРИНА»

Кто, панцирь отчуждения порушив,
Не испросив, ко мне заходит в душу?
Как из острога — почему, спеша,
Ему навстречу ринулась душа?

Пахнуло степью вольною, полынью,
Пророчеством, ожившею былиной.
Божок мирских забот во мне притих,
Как только зазвучал духовный стих -

Протяжный плач, и ветер в нем, и осень,
И долгий взгляд в глазах слегка раскосых,
В нем и пастуший слышится рожок,
И колокол, молящийся Восток...

Слепой певец, свои познавший корни,
О! Как он зряч в своем труде упорном!
Не лицедейство, а добытый хлеб
Он делит с нами — плод пытливых лет.

В нем душ далеких предков благородство,
И барства нет ничуть, и нет холопства,
Достоинство смиреньем уравнивая,
Дарует нам исконный русский нрав.

От времени разохшуюся лиру
Душою оживляет дивно “Сирин”.
Святой и очищающий восторг
В сердца вселяет нам не сам ли Бог?!

ОЧИЩЕНЬЕ

“Сирин” перелистывает ноты,
Нас ведя в минувшие века.
Предков наших о душе забота
Тоже нам становится близка.

Мир преображают песнопенья -
Он уже нам кажется иным,
Будто чудо чистого прозренья
Истиной даровано слепым.

Исцеленье дарится калекам,
Светится в распевах мудреца
Божья искра в духе человека
И гуманность в промысле Творца.

“Сирин”, будто став за нас в ответе,
Промывая нам глаза души,
Жизнь таким вдруг озаряет светом,
Что уже не можется грешить.

ПРОСВЕТЛЕНЬЕ

О! Сирин!
Брат по красоте!
Твое божественное пенье
Встречает нас — мирских гостей —
Для радости и очищенья.
Твоих молитв целебный звук
В годину сумеречной смуты
Нам дарит, укрепляя дух,
Просвета чистого минуты.

МЕССА

Я мессу отстоял в воскресшем храме,
Я душу окунул в купель-хорал.
Я впитывал Евангельскую драму
И драмы дней своих перебирал.

Привычно разум ловит цепь гармоний,
Аккордов, модуляций нежный свет.
Кого такая музыка не тронет!
Вот только ощущение чуда нет...

Мы рвались в храм, как встарь, ища спасенья,
Но, сберегая не живот, а дух,
У злобы, лжи, бесчестья в окруженьи
Беспомощными оказались вдруг.

Что ж запоздало мы так жадно ищем?
Духовности нащупать тщимся нить?
Когда всю жизнь мы были духом нищи,
Суметь ли вдруг богатство ощутить?

Воспитывали в нас плакатной книгой
Тромбозы мысли, чувств слепых застой...
И горько усмехнулся храм-расстрига —
Концертный храм, увы, а не святой.

Дух предков благороден — да простится
Вернувшийся к порогу блудный сын.
Но, чтоб к истокам сердцем возвратиться,
Потребуется год, и не один.

ОСЕННИЙ ХРАМ

Готовя все живое к летаргии,
Звучит дождей протяжных литургия.
И сбрасывая мелочности хлам,
Молясь стихом, вхожу в осенний храм.

Накопленные в дрязгах будней стрессы
Палитры звучной утишает месса.
К природе с карой городских седин
Я возвращаюсь, словно блудный сын.

Мозаика листвы слагает фрески,
На миг запечатляя арабески
То нежным ренуаровским письмом,
То плоти яркой Рубенса теплом.

Пожухший лист свернулся, как папирус,
В прожилках — миф о сотвореньи мира.
Напоминают благостные дни
Счастливого рай, потерянный людьми.

А листьев лава — в красочном безумьи,
Как будто извергал их сам Везувий.
Под взвизги ветра шальные не прочь
Разыгрывать Вальпургиеву ночь.

Златоволоса, совершенства мера -
Береза — белотелая Венера.
Мадонны три являют ясность лбов:
Надежда, Вера, чистая Любовь.

Скорбя и плача, косы распустила,
Склонилась ива, словно Магдалина.
Степенно шелестение дубов,
Как поклоненье Осени волхвов.

Являет осень жертвенность Марии,
Себя сжигая, с красотой нас мирит.
Стволы злачёных сосен чинно в ряд
Окладами апостолов горят.

С кровавой меткой листьев на запястьях,
В изломе, клён — ещё живой в распятыи.
Над срезом пня, румянец свой не скрыв,
Стоит осина — юная Юдифь.

Царицей Савской — в золоте с рубином -
Гордыню не смирившая рябина.
И золушкой средь буйства красок ель -
Ей феей будет доброю метель.

Набухли почки, в оттепель поверив,
И шепчутся — что тайная вечеря.
Но серебром иудиным мороз
К утру застудит искренность их слёз,

Наивность, доброту и нежность сердца,
Подобно избиению младенцев.
Не ханжество ли после вопрошать:
Что молодость перестает дерзать?

Добро взойдёт, но слабо утешенье
Возможного порывов воскрешенья,
Когда за смелость с паперти корит
Душитель, что под ликом святца скрыт.

И листья оборвёт зима, как жизни,
И вьюгой дикой отыграет тризну.
Ну, а пока — затишье, нега, лень.
Как будто не придёт последний день.

Живое завершается кружение...
Прощанье и прощение. Успенье.
И вот — уже дымы,
И листья жгут,
Как будто бы — последний страшный суд

Над тем, что в жизни много боялся,
Над тем, что не во всём я состоялся,
Над тем, что часто золотые дни
Менял я на бумажные рубли.

Весной родятся новые миры,
Других волхвов — другим Богам дары.
Природа чертит круг неутомимо,
Но что-то для меня неповторимо.

ОСЕННИЙ ПСАЛОМ

Осени дивной помолимся,
Сложим духовный псалом,
Истовой огнепоклоннице,
Добрую славу споём.

Красок торжественно шествие.
Стройно природа поёт.
Листья ликуют и чествуют
Праздник престольный её.

Неповторимый наряд её -
Тысячелистный салют.
Жаром деревья объятые,
Словно хоругви, цветут.

Яростная и покорная,
Ясный и искренний взгляд.
Лики ее чудотворные
Раны души исцелят.

В россыпь последнюю кутаюсь,
Прячась от всяческих бед,
Как в одеяло лоскутное
Бедных моих детских лет.

Радует роскошь без меры -
Полная чаша добра.
В ней и богатство, и щедрость,
Как бескорыстья сестра.

Вдарят морозы, и охну,
Сердце опять заболит:
Эту наивную охру
Густо снежок забелит.

ОСЕНИ МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Гришиной А. Н.

Плавал я в бурных житейских морях,
Было, тонул в её водах.
Всё испытал: и надежду, и страх,
Мучаясь в поисках брода.

Резво промчался судьбы моей конь —
Только почувствовал сушу.
Крылья не раз опалял мне огонь,
Но я сберёг свою душу.

В память о прошлом огне, как салют,
Листьев горящая лава.
Ветры осенние мне пропоют
Многие лета и славу.

Песнь восхищенья шептали не раз
С нежностью женские губы.
Я откликался на ваш только глас,
Осени медные трубы.

Воды-огни свой оставили след
Нитью серебряной в чубе.
Чище звучания вашего нет,
Осени медные трубы.

В путь свой последний с собою возьму —
Так уж вы дороги-любые,
Слышимые только мне одному,
Осени медные трубы.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ты снова пришла,
Забросив дела.
И ясно, что нет тебя краше.
Зелёный твой сон
Огнём опалён.
Но где ж ты, скажи, была раньше?

Проносится время, бесцельно течёт.
Но вдруг мы становимся старше.
И кажется вот они: слава, почёт...
Ах, если бы чуточку раньше!

Живёшь, от себя же до времени скрыв
Приятельств иных фальш на фальши.
И всё же однажды вскрываешь нарыв,
Но лучше бы всё-таки раньше.

Вся жизнь — как полёт. Но не дан парашют.
И миг приземления страшен.
Прощенья за все я грехи попрошу,
Но надо бы, видимо, раньше.

И осенью дивною дум хоровод
Уносит нас выше и дальше.
А что впереди — не зима ли нас ждёт?
Зачем же пришла она раньше?

Но Ангел спустился и строго спросил:
Что можешь ты в жизни итожить?
Ах, дали б мне время и чуточку сил,
Чтоб мог я ответить попозже!

ПРОРОК

О! Не убей в себе пророка
Катком тяжелым бытия,
Ведь откровенья ненароком
Роняю может быть и я...

Не возомни себя пророком,
Вспарив над прахом бытия.
Высокомерия уроки -
Родня душевного битья.

Притворством жизнь не исковеркав,
Дай, Бог, живущим по любви
Высокой славой человека
Иметь хождение меж людьми.

ЧЕСТЬ

В долинах суеты,
В ущельях быта
Мы ползаем за тем, чтоб пить и есть.
И облаками сонными прикрыта
Забытая вершина — наша Честь.

Каких соблазнов жизнь готовит чащи,
И каждый наш побег — седая прядь,
Но, чтобы дух наш не терялся, чаще
Нам надо ту вершину покорять!

АВЕСТА

Где ты, Книга праотцов — Авеста?
Мудрость незапамятных веков,
Что была когда-то мерой веса
Праведных деяний и грехов.

В волнах ли Великого потопа
Затерялся твой прощальный след?
Но сквозь бытие, как изотопы,
Твои строки излучают свет.

Этот свет — и в формулах созвездий,
Россыпью — в сказаньях о былом,
В притчах, наставленьях и советах.
В непонятных знаках НЛЮ.

В мантрах звуков музыки духовной,
В искренней молитве, в красоте,
В добром деле, благодарном слове,
В сердце принимаемых гостей.

В нас самих — отдельные страницы...
Чтобы в них оставить след пером,
Надо каждый день на бой сходиться —
Вечный и святой — добра со злом.

Не пропала на Земле Авеста!
Время убыстряется — спеши
Дальних Предков праведные вести
Прочитать, раскрыв глаза души.

СЛАВНЫЕ ЛЮДИ

СВЕТ КАШИРЫ

Из Зарайска ли едем под мелким дождём,
Из-под Тулы, ещё ли откуда,
По Оке ли, петляя, к Кашире плывём —
Каждый раз вновь встречаемся с чудом.

В чёрных тучах просвета и с блюдечко нет.
Мгла, кажись, целый мир заслонила.
Но над городом — свет, над Каширою — свет.
Держит купол небесная сила.

Видно, место благое — и в этом секрет —
Бог за труд и терпенье отметил.
Освещает нам жизнь путеводный тот свет
Многотрудных простых семь столетий.

Это свет всех времён от рыбацких костров,
Отсвет горнов пушкарских на лицах,
Отблеск первых лучей на секирах стрельцов,
Искры песни душевной ямщицкой.

Свет хрустальной водицы живых родников,
Войн зарницы и памяти жженье,
И свеченье молитв, и салют куполов,
ГРЭС атлантово сверхнапряженье.

Нынче свет над Каширой заметно померк...
Где сиянье имён знаменитых?
Где огни катеров, покидающих верфь?
Где гуденье печей Центролита?

А останется ль свет хоть какой после нас,
Чтоб могли им душою согреться,
Как целебным лучом бабы Дуниных глаз
И огнём дяди Колина сердца?

Без надежды на завтра и радости нет.
Бог не даст нам креста не по силам.
Над Каширою свет сотни, тысячи лет
Пусть горит для людей негасимо!

МОИ УЧИТЕЛЯ

Мои учителя — на том и этом свете.
Разыскиваю их, чтобы отдать свой долг,
Одним кладу цветы, другим несу конфеты,
А третьих я найти еще не смог.

Так много лет о них не вспоминал я, грешный,
Но что-то сердце дрогнуло вчера...
Забыт давно предмет, изученный поспешно.
Но не забудется урок добра.

Они простили нам все наше невниманье -
Добры учителя всех стран и всех времен.
Нужнее им ли, мне ли позднее признание -
Я шлю им благодарный свой поклон.

БЫЛИНА

Не пора ли, разумная братия,
Миром всем осудить безобразия:
Младость всем иноземным прельщается —
Древлеславный уклад ущемляется.
Ажно вместо исконной глаголицы
Грекам пришлым с кириллицей молятся.
У Бояна былинные струны
Вдруг поют скандинавские руны.
Вон, товарки, на суздальских выселках,
Как болгарки, расшитые бисером.
А в обрядовых наших стенаньях
Стали слышны шамана камланье.
Что за ритм — половецкие пляски —
Это след от невест басурманских.
Понаехали фряжцы, варяги.
Немцы, чудь к нам несут свои флаги.
И в славянских уж слышится песнях
И мордвы мелодичность и веси.
Что ты, батюшко, брось, не витийствуй:
В нашей музыке чин Византийский!
Византийский? — такая есть версия,
Но наследство её — всё ж из Персии.
Душу трогает песня ямщицкая —
В ней протяжность степи не калмыцкой ли?
А комаринский спляшет мужик —
В ритме западных скерцо и жиг.
Подарил нам язык наш чистейший
Внук арапа великий и грешный.
А оплакал его непреклонный
Иноземных корней внук Лермона.

Путь России восславил как сын
Внук татарский Карамурзин.
И до творчества люди охочие:
Богомазы и книжники, зодчие:
Феофан, братья Фиорованти...
Сколько в Русь ими вложено страсти!
Тьма народов на нашей земле
Сто культур замесило в котле
И достигли достойных вершин,
Став загадкой русской души!

МУЗЕЙ КУКОЛ

Наумовой З. С.

Тётя в куклы играет —
Детство украла война.
Рано лишённая рая,
Не наигралась она.

Шьёт из обрезков одежды,
Ватные лечит тела.
Пишут умелые стёжки
Сказ про благие дела.

Время, да жизнь свою тратит,
Жертвуя всем дорогим.
Лепит, смягчает характер
Бедным страдальцам своим.

Ах, эти сельские куклы!
Жёлтой соломы пучок
Бережным сердцем укутан
В старый какой лоскуток.

Вот, кавалеры и дамы —
Танца старинного «па».
И многодетная мама,
Ярких матрёшек толпа.

С розой Кармен роковая.
Мчит Емельян на печи.
Раненый флаг развевает
Смелый Мальчиш-Кибальчиш.

Дети глазищи таращат,
Радуюсь сказке живой.
Куклам желая стать краше,
Тащат подарки горой.

Сколько историй забавных,
Мифов, душевный уют,
Память о подвигах славных
Дети с собой унесут!

Тётенька, щедрая сердцем,
Веря в святые дела,
В чистом не спряталась детстве,
А из него не ушла...

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Забигайло Н.В.

Трудом служителей украшен,
Всегда открытый для друзей
Дверьми и сердцем нараспашку
Хранитель древностей — Музей.

Здесь есть следы далёких предков,
Окаменевшие вовек.
И экспонатов облик редкий
Несёт печать различных вех.

Доисторическое море —
В прахиапотках у реки,
Богатство фауны и флоры
Роскошных берегов Оки.

Нехитрый быт простого люда
Музея комнаты хранят:
Вот — прялка, сундучок и блюдо,
И ложек деревянных ряд.

О боевом, о бранном прошлом
Ведут копьё и стрелы речь.
И дышит временем тревожным
Болотникова храбрый меч.

Не забываются в Кашире
Посадских труд и рыбарей,
Стрельцов калёные секиры,
Пищали, ядра пушкарей.

На подвиг поднимали ратный
Служивых и людей простых
Стозвоны колоколен храмов
И слово пастырей святых.

Была Кашира непокорной.
Но сразу покоряет нас
О людях смелых и упорных
Былинный, прямо-таки, сказ.

Кашира дочерью Московской
Была, Касимовской княжной,
Дозорной верною заокской
И даже царскою женой.

Вот, рельсы первые чугулки
Пропели звонкую строку
В симфонии прогресса гулкой,
Пробросив мост через Оку.

Эпохи новой устремленье
С энергией семи ветров —
Мощь ГРЭСа, в жизнь страны вступленье
Как пионера ГОЭЛРО.

Простую жизнь, геройский подвиг
Плеяды славных каширян
На стендах красочных находим
Средь лиц духовных и мирян.

Поэтов, живописцев лира
Звучит то тихо, то как гром.
Неповторимая Кашира
Воспета кистью и пером.

Хранится звонкая подкова
И две фаланги от удил
Коня горячего Белова,
Который немцев здесь побил.

И чтоб не забывали люди
Беду принёсшую войну,
На площади стоят орудья,
Нацеленные в вышину.

Уже сегодняшними днями
Речь завершит экскурсовод.
Но ток Истории в сознании
Ещё течёт, ещё течёт.

СТАРЫЙ ДОМ

Гришиной А. Н.

Брошу веточку с надломом
В нас связующий ручей.
Поплыву я мыслью к дому.
К островку моих друзей.

Пышный сад зеленым дымом
Дышит свежестью в лицо.
Он гостей волной подымет,
Как на пристань, на крыльцо.

Как в штормах корабль разбитый,
Капитаном знаменит,
Старый дом, плющем увитый,
Тайны детские хранит.

Говорить неловко громко
Средь витающих теней —
Шепчут утвари обломки
И обломки прежних дней.

Безголосо пианино.
Каждый шаг — паркетин всхлип.
В позах музыки старинной
Ножек мебельных изгиб.

Старый дом с судьбою свыкся,
Людной залой не галдит
И в себя улыбкой сфинкса
Так загадочно глядит.

Расставаясь с долгой спячкой,
Сбросит прошлого репей.
Прошлых нет и настоящих
Быта якорных цепей.

И уже немножко тесно,
И крепчает ветерок.
Вот и гриновские песни
Стал разучивать сверчок.

А друзья наивно мыслят:
Где-то клад-богат зарыт.
Ноя знаю: бескорыстно
Он у них в сердцах горит.

ХУДОЖНИКУ

Ю. Баютову

Ах, черт, художник, бородатый!
Глаза мазками мне протёр.
Мои минувшие утраты
Вдруг осветил, как метеор.

Свераясь с красотой, как лоцман,
Прищурясь, вглубь души глядит,
Судьбой украденное солнце
В холсте на место громоздит.

Пророчит, сам не ожидая,
Палитры солнечной поэт...
И, улыбаясь, оживает
Простецкой радости портрет.

НЕМЕЗИДА

Гришиной А.Н.

Где-то в космосе открытом,
Как грядущая беда,
Ищет жертву Немезида —
Смертоносная звезда.

Под её дыханьем мёртвым,
Солнце прячущим во мгле,
Сколько раз уж было стёрто
Всё живое на Земле.

В космосе людского быта
Тоже часто нам грозит
Вспышка явных или скрытых
Вероломных Немезид.

И, глядишь, Пегас весенний
В плуг житейский запряжён,
Вместо чудного пареня
Пашет будни Апполон.

Не взрастивши злой обиды,
Помня доброе добром,
Он увенчан Немезидой
Лишь терновым серебром.

Но воскреснут, не остынут
И лучить свой будут свет
Аль-Таир и Аль-Евтина,
Альма-Матер и Аль-Берт!

ГОРОД

Дяде Коле Зайцеву

Золотятся у “Фрола и Лавра”
Тополя в отраженьи крестов.
Город, где твоя добрая слава?
Где наследство святое отцов?

Где исконная кротость и честность?
Где открытость сердец и дверей?
Где над речкой гулянье и песни
Заработавших праздник людей?

Любо было и меткое слово,
Честный труд и загул озорной,
Если даже и праздник церковный
В слободе выпадал “kozyрной”.

Жизнь такая давалась недаром...
Сколько их — молодых — удалых,
Вражьих сил отразивших удары,
Поселилось в могилах сырых!

Нынче — мир. Голубиные стаи.
И такие, что ахнешь, дела.
Но засовы, замки не спасают
От нашествия кривды и зла.

Во спасение — нравы, как храмы,
Оживить норовим из руин.
Если ж Правду не выручим сами,
Не поможет отец Константин...

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА

Соблазну уступив задумки,
Страсть воплощенья не унять.
И носишь творческие муки,
Как ждущая ребёнка мать.

Эскизы, образы, наброски
И вариантов круговерть.
Как замысел загнать непросто
В одну единственную клеть.

Ах, кто бы знал, как труд сей долог
До появления лица:
Этюд, грунтовка, подмалёвок,
А дальше — пропись... без конца.

Кисть положить на холст безбрежный —
Как в океан пуститься вплавь.
Портрет, открыв однажды вежды,
Подскажет: «Там..., вот здесь поправь».

Уже тобой он верховодит,
Мазкам указывая путь,
Хотя конец, казалось, вот он:
«Ещё чуть-чуть, ещё чуть-чуть...»

Не отпускает от мольберта,
Не ведая, что кисть свело.
Картины — это те же дети,
И — расставаться тяжело.

Рождая их, роднишься с ними:
За каждым образом — судьба.
Ведут портретам счёт седины,
И — нимбом серебро у лба.

Удар последний. И усталость
Накатит вдруг свои валы.
Не надо ничего — лишь малость:
Хотя б словечко похвалы.

Не место человека красит —
Он может сам украсить жизнь.:
В картинах искренних — катарсис
И очищение от лжи.

Быть творчеством народу нужным
Не всяким выпадет в судьбе.
И держит Бог талантов души
Для высшей службы при себе.

Когда благообразны мысли,
И в сердце истины покой,
То водит вдохновенной кистью
Сам Бог трудящейся рукой.

Он через чистые творенья,
Наполнив светом их идей,
Шлёт на крылатом вдохновеньи
Свои посланья для людей.

Народу полон зал огромный:
Модели, критики, друзья.
И ты какой-то отрешённый
У Бога спросишь: «Уж ли я?!»

И принимая поздравленья,
Честь воздавая небесам,
Работам истинную цену
Наверно, знаешь только сам...

НА КЛАДБИЩЕ

Там, где всегда не шумно и не людно,
Где скорбь сама смыкает всем уста,
Где сон уже — последний беспробудный,
Под праздник наступает суета.

Так хлопотно: мелькают ведра, лейки,
А кисти машут весело, кажись,
И даже об ушедших сожалея,
Сегодня здесь, конечно, правит жизнь.

Листва дымится, собранная в кучи,
Свеж резкий запах крашенных оград,
И как души нетленной чьей-то лучик -
Анютины глаза на мир глядят.

Едва обжив приют пятиэтажек,
Полуподвалов мрак сырой кляня,
С огромным трудовым, бедовым стажем,
Сюда переселилася родня.

И вместо новоселья вечность длится,
Перед которой суетность странна.
Так незнакомы молодые лица -
Знакомы так на плитах имена.

КАШИРСКИЙ ЛЕВША

Вениамину Беспалову

Мастер веников не вяжет,
Хоть и Венею зовут.
Мастер с выучкой и стажем,
Честно любящий свой труд.

Хоть фамилия Беспалов —
Разве вяжется ли с ним?
С головой он и руками,
Да и с сердцем золотым.

В дело вкладывает душу, -
Вот и любит его люд:
С дрелью, с трактором, с игрушкой
На ремонт к нему идут.

Всей Кашире он известен
Тем, что всякий механизм
Для умельца интересен
И сдаётся перед ним.

Право — с детским любопытством
Буратиний сунет нос. —
В строй опять вступают быстро
Циркулярка и насос.

Бензопилы, бензокосы,
А порой — подъёмный кран, -
Всё наладит, что приносят
Работающий ветеран.

Есть легенды, ходят были,
Подтверждая мастерство.
Как, ожив, автомобили
Уезжают от него.

Он искал, как Буратино,
Ключик счастья золотой
И обрёл вот здесь, В Кашире,
Ключ с целебной водой.

Бросил город он столичный
С дымом, с чадом, с суетой
И живёт теперь прилично
Жизнью трудной трудовой.

А когда недуг столь горький
Прихватил, лишая сил,
Говорят, что даже горло
Сам себе он залудил.

Собирает он по крохам
Вещи, что ему ценны:
Фотографии эпохи
И каширской старины.

Ладный дом с крыльцом и баней,
А уж садик-огород!
Необычными цветами
На всю улицу цветёт.

И его теплица — гордость:
Простота и мастерство.
Баклажаны, помидоры
Вызревают у него.

Человек он увлечённый —
Всё в руках его горит.
И душою озарённой
Добротой он одарит.

В дом, известный каширянам,
Без рекламы валит люд.
Переулок Безымянный
Вениаминовским зовут!

ЧЕЛОВЕК

Рядом с вами человек.
Вы его не замечали —
В дни расстройств и в дни печали
Он слезу стирал вам с век.

Рядом с вами был чужак.
Слово доброе нёс людям,
Не считая это трудным,
Делал это просто так.

Ну и что же из того —
Он не дал вам капитала,
Но чего-то всё ж не стало,
Как не стало здесь его...

НОВООБРАЩЁННЫЕ

Ах, эти новые святоши!
В погоне за святой водой
Друг друга могут укокошить,
Устроив в храме мордобой.
Нет хуже новообращённых:
Не приняв сердцем веры суть,
Играя фразой просвещённой,
Неизбранных готовы пнуть.

Толпой расхватывают свечи,
Чтоб внешне соблюсти обряд.
Но вряд ли небо их излечит,
Пока им человек — не брат.
К перерождению их стремленье
Достойно прыти сатаны.
Любовь, прощенье и смирение
Им, видно, вовсе не нужны.

Не удивятся благовесту —
Явлению новому Христа.
И хоть висит на шее крестик,
Ну а внутри-то нет креста.
Старушек оставляя в шоке,
Гребут елей, кагор, бальзам.
Для них, видать, такой же шопинг.
А храм — с крестом универсам.

К святым иконам приложиться,
Локтями двигая, спешат.
Но в суете не воскресится
Давно умершая душа.

РОДНИК

Говорят: в лесу дремучем,
У горы, под самой кручей,
За поляною глухой
Бьёт издревле ключ гремучий,
Ключ с целебною водой.

Преподобный Отче Сергей
В том далёком древнем веке
С божьей помощью открыл
Это чудо человеку
Для возврата прежних сил.

И с молитвою в дорогу
Издалёка люд убогий,
Всякий хворый и больной
Сквозь века, леса и горы
С легкой торбой, тяжким горем —
За водицею святой.

И несёт молва по свету,
Что целебней места нету,
Чем чудесный тот родник.
Вот и мне бы к водам этим —
Я бы сердцем к ним приник.

Но порою вдруг неожиданно,
Как бальзам на наши раны,
Где-то рядом — не в глуши
Кто-то щедро открывает
Золотой родник души!

ПОДРУГИ

Есть женщины в нынешней жизни
С особым стремленьем вперёд:
Такая не то что бы в избу —
В горящий реактор войдёт.

Летит, отработав трёхсменку:
На службе, с детьми, у плиты.
Она ещё как-то умеет
Себя в этой жизни найти.

С таким-то нагруженным возом,
С обилием дел и оков
Её статистический возраст
Повыше, чем у мужиков.

Прекрасные наши подруги
Тепло нам несут и уют,
Хоть «За бытовые заслуги»
Медали для них не куют!

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА

Мы с тобою нынче празднуем
Свадьбу с чистым серебром.
Были годы эти разными:
И лихие и с добром.

Небо то бывало с тучами,
То в сияньи по края,
Незабудка, Незабудочка,
Незабудочка моя.

Побледнели губы сладкие,
Ясных глаз голубизна.
Ну, а сколько ж над кроватью
Провела ночей без сна.

Как устали твои рученьки!
А виной тому и я,
Незабудка, Незабудочка,
Незабудочка моя.

И хоть многие завидуют,
Заглядевшись на семью,
Не сберег красу я дивную
Ненаглядную твою.

А судьбой своей везучею
Лишь тебе обязан я,
Незабудка, Незабудочка,
Незабудочка моя.

Сердцу радостно: о детушках
В людях добрая молва.
Хоть мы — бабушка и дедушка,
Беспокойна голова.

Узнается в нашей внученьке
Добротой душа твоя,
Незабудка, Незабудочка,
Незабудочка моя.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, сыночек: «А-а-а»
В маленькой кроватке.
Дремлет на лужке трава,
Огурцы — на грядке.

Рыбки спят давно в Оке,
Ласточки — под крышей,
Злая муха — на стекле,
И под полом мыши.

Будет сон твой золотой
Сладким, как конфетка.
Только ты, сынок, закрой
Глазки крепко-крепко.

За ночь вырастешь большой,
За ночь станешь взрослым
С доброй маминой душой,
С папочкиным носом.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВНУЧКЕ

Солнышко за речкой скрылось —
Жаркий день потух.
Наконец угомонился
Молодой петух.
Спать домой вернулось стадо
С тёплым молочком.
Спи, Никуся, наша радость,
Ручки кулачком.

От усталости качаясь,
Спать легла трава.
И лягушки обещают
Добрый день: «Ква-ква!».
И подсолнухи уснули
Личиками вниз.
Не кряхти, моя лапуля,
Никочка, усни.

Колыбельные напевы
В родниках звучат
Для любимых наших деток,
Дорогих внучат.
Спи, Никуся, до рассвета —
Кончились дела,
Как и мамочка под эти
Ручейки спала.

Спят, уставши, Аби с Бонькой,
Кора видит сны.
Вероничка, потихоньку
Засыпай-усни.
И тебе, Никусь, когда-то
Колыбель качать.
Нас с улыбкой благодарной
Будешь вспоминать.

ДОКТОР

Хотькину А. Н.

На Центролите, ГРЭСе
Да в жизни суетной
Однажды вскрикнет сердце
Оборванной струной.

Испуганные лица
Тревог людских печать —
Каширская больница
Не устает встречать.

Крутой по нраву Хотькин,
Не пожалевши сил,
Упавшим духом стольким
Здоровье возвратил.

Какому же большому
Таланту надо быть,
Чтоб каждому больному
По сердцу подарить!

К больным неравнодушный,
Как было на Руси...
И молятся старушки:
«Господь его спаси!»

Свята душой и ликом
Поклон земной прими,
Российская глубинка,
Богатая людьми!

АФГАНИСТАН

Пирыазеву Александру

Сюда привёл нас пролетарский долг,
Долг сердца и души — раз другу трудно,
Мы покидаем праздничный свой дом,
Чтоб окунуться в боевые будни.

Афганистан — ближайший наш сосед —
Мы делим твои трудности по-братски.
Моя страна хлебнула много бед —
Нелёгкок долгий путь её солдатский.

Гренада помнит молодых ребят —
Отцы там наши воевали вместе.
Мы продолжаем песнь интербригад,
Свободы мира продолжаем песню.

Настанет срок — вернёмся мы домой,
Чтоб на своих любимых наглядеться,
Но каждый унесёт в душе с собой
Частичку его раненного сердца.

ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ

День торжества, а на сердце — печаль,
Будто проснулись недуги,
Хоть и вручили сегодня медаль
«За боевые заслуги».

Вспомнился и раскалённый металл,
Злая песчаная вьюга.
За пережитое время медаль
«За боевые заслуги».

Были обстрелы. Дымился дувал.
Мы и не ждали покоя.
Может, и я в сердца попадал
Изредка... меткой строкою.

Дней этих тягостных труд и печаль
Честно делили мы с другом.
С ним бы по праву делить и медаль
«За боевые заслуги».

Ну, а любимая! Сколько же сил
Нужно ей было в разлуке!
Вот кто геройски медаль заслужил
«За боевые заслуги»!

ДОБРЫЕ МОСТЫ

Цветением майским мы справим
Опять годовщину побед!
В героических делах переправы
Особый оставили след.

Всего-то — пунктиры на картах
На фоне армейских армад.
А чтоб навести их, затраты
Какие ещё предстоят?

Сцепляют, спускают понтоны
Бесстрашно под шквальным огнём.
Ложатся костью, но не стонут.
Им холод и грязь — нипочём.

Оставили след каширяне:
Стал сотый родной батальон
В Афгане, Чечне и в Ливане
Легендою мирных времён.

Чтоб смог к прежней жизни вернуться
Войну переживший народ,
Завод наш металлоконструкций
Им мирные рельсы куёт.

Держава горда каширянами:
Они доброй службой своей
Наводят мосты между странами
И между сердцами людей!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Певец земли по имени Кашира.....	3
----------------------------------	---

СЛАВНЫЙ ГОРОД

ПЕСНЯ О КАШИРЕ.....	7
КАШИРА-ГОРОДОК.....	9
КАШИРСКИЕ УЛИЦЫ.....	11
СТАРЫЙ ДВОР.....	13
ОКА-РЕКА.....	14
КАШИРСКИЕ РОДНИКИ.....	15
КАШИРСКИЕ ДОРОГИ.....	16
КАШИРА-2.....	17
ОКА.....	18
С ПТИЧЬЕГО ПОЛЁТА.....	19
КАШИРСКИЙ БАЗАР.....	21
ЯБЛОНЕВЫЙ РАЙ.....	23

СЛАВНЫЕ ХРАМЫ

ГЛАС НЕБЕСНЫЙ.....	27
РЫЦАРИ ДУХА.....	28
ХРАМ ДОБРОТЫ.....	29
ХРАМ.....	30
ПЕСНОПЕНИЯ «СИРИНА».....	31
ОЧИЩЕНЬЕ.....	32
ПРОСВЕТЛЕНЬЕ.....	33
МЕССА.....	34
ОСЕННИЙ ХРАМ.....	35
ОСЕННИЙ ПСАЛОМ.....	38
ОСЕНИ МЕДНЫЕ ТРУБЫ.....	39

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ	40
ПРОРОК.....	41
ЧЕСТЬ.....	41
АВЕСТА	42

СЛАВНЫЕ ЛЮДИ

СВЕТ КАШИРЫ	45
МОИ УЧИТЕЛЯ	47
БЫЛИНА.....	48
МУЗЕЙ КУКОЛ.....	50
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ	52
СТАРЫЙ ДОМ	55
ХУДОЖНИКУ	56
НЕМЕЗИДА.....	57
ГОРОД.....	58
ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА.....	59
НА КЛАДБИЩЕ	61
КАШИРСКИЙ ЛЕВША	62
ЧЕЛОВЕК	65
НОВООБРАЩЁННЫЕ.....	66
РОДНИК.....	67
ПОДРУГИ	68
СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА.....	68
КОЛЫБЕЛЬНАЯ.....	70
КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВНУЧКЕ	70
ДОКТОР.....	72
АФГАНИСТАН.....	73
ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ	74
ДОБРЫЕ МОСТЫ.....	75

Бедретдинов Хайдар Сулейманович

СВЕТ КАШИРЫ

Подписано в печать 30.03.2010. Бумага офсетная.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4. Тираж 200 экз.

«ИПО «У Никитских ворот».
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50/5,
тел. 690-67-19, www.uniki.ru

*Разве, странствуя по миру,
Сердцу скажешь: «Выбирай!»
Ведь оно уже в Кашире
Обрело душевный рай!*

